

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ СЕНТЯБРЯ 2015 Г.

С.Жаворонков

Основными событиями сентября 2015 г. стал единый день голосования – последний перед федеральными выборами через год, и начало участия России в военной операции в Сирии, разрешение на которую Совет Федерации официально дал по обращению Президента России В. Путина. Итоги выборов примерно подтвердили статистические данные прошлого выборного цикла с небольшим улучшением показателей «Единой России».

Итоги выборов оказались следующими. В Костромской области, привлечшей так много внимания из-за участия в выборах списка демократической коалиции, конкурентной кампании и отсутствии грубых фальсификаций, «Единая Россия» набрала 50,9%. В 2010 г. – 50,02% (адекватно сравнивать не с федеральными выборами 2011 г., проходившими при высокой явке, а именно с региональными выборами четыре-пять лет назад в тех же регионах). В городе Костроме, областном центре, хорошо прикрытом наблюдателями, ее результат сейчас еще ниже – всего 40%. В Новосибирской области у «Единой России» 44,5% (было 44,8%), в Магаданской области 57,7% (было 50%), в Калужской области 56,9% (было 53,4%), в Рязанской области 62,7% (50,5%), в Курганской области 56,7% (41,2%), в Республике Коми 58,05% (50,5%), в Ямало-Ненецком округе 70,1% (64,7%), в Белгородской области 62,3% (66,2%), в Челябинской области 56,1% (55,7%), в Воронежской области 73,8% (62,5%). Единственный резкий скачок, таким образом, мы видим лишь в Рязанской и Воронежской области, при этом там мы наблюдаем электоральную аномалию – если в городе Воронеже, составляющем половину населения области, результат «Единой России» составляет 44,6%, то в сельских районах превышает 90%. В целом результаты «Единой России» находятся на уровне прошлого избирательного цикла (с некоторым повышением, хотя и не повсеместным), и, таким образом, базовый сценарий избирательной кампании, видимо, состоит в повторении результатов 2011 г., когда «Единая Россия» чуть не добрала до половины голосов. Впрочем, по мандатам ее результат следует спрогнозировать выше – в 2011 г. выборы проводились по полностью пропорциональной системе, сейчас же половина мест будет распределяться по одномандатным округам. Если бы одномандатные округа существовали в 2011 г., оппозиция выиграла бы не более 15–20 округов из 225.

Что касается результатов иных партий, то никто кроме парламентских партий не преодолел

проходной барьер. Выборы оказались успешны и для КПРФ, и для ЛДПР, и для «Справедливой России», повсеместно преодолевших избирательный барьер. Год назад, напомним, ЛДПР не преодолела барьер в ряде регионов, а «Справедливая Россия» более чем в половине. Что касается либеральных сил, то главная интрига была представлена в Костромской области, где в выборах участвовали и РПР-Парнас (позиционировавшая себя как коалиция М. Касьянова и А. Навального) и «Яблоко». Первый список набрал 2,2%, второй 2,4%. Видимо, не самым удачным оказался кадровый состав списка РПР-Парнас во главе с москвичом И. Яшиным, несмотря на даже солидный бюджет кампании. «Яблоко», не пройдя в региональные легислатуры, прошло по партийным спискам в городские думы Костромы, Владимира и Томска (РПР-Парнас по спискам не принимал участие в этих выборах). Таким образом, можно констатировать, что определенный потенциал у либеральных сил остается (учитывая низкую явку на региональных выборах – на федеральных она будет, по традиции, вдвое выше), но и переоценивать его не стоит.

Таким образом, сейчас право участия в выборах без сбора подписей имеют 14 партий: пять на основании превышения 3% барьера по итогам выборов 2011 г. («Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР и «Яблоко»), остальные на основании наличия минимум одной фракции в региональных легислатурах («РПР-Парнас», «Родина», «Гражданская платформа», «Альянс зеленых», «Гражданская сила», «Патриоты России», «Правое дело», «Коммунисты России», «Партия пенсионеров за справедливость»). Остальные партии должны собирать 200 тысяч подписей, что по сложившейся правоприменительной практике чрезвычайно затратно и фактически, зависит от позиции избирательных комиссий, так как правила сбора и проверки подписей чрезвычайно запутаны. Не исключен также вариант, при котором власти увеличат порог необходимого наличия фракций в региональных легис-

латурах – даже при увеличении порога с одной до двух фракций половина партий потеряет право участия в выборах без сбора подписей.

Что касается губернаторских выборов, то чрезвычайно интересным оказался феномен Иркутской области. Если в первом туре кандидат «Единой России» С. Ерощенко почти победил (49,6%) при явке в 29%, то во втором туре явка выросла до 37%, и кандидат «Единой России» проиграл представителю КПРФ С. Левченко, набравшему 56% голосов. Это оказался первый случай с середины нулевых годов и после восстановления процедуры губернаторских выборов в 2012 г., когда официальный кандидат проиграл губернаторские выборы. В остальных регионах официальные кандидаты победили в первом туре, хотя в Амурской области и Республике Марий Эл с минимальным отрывом, не исключавшем второго тура. Таким образом, оказывается, что при появлении серьезной интриги резко растет явка даже при двухнедельном разрыве между первым и вторым туром, и растет она в пользу оппозиционных сил, в то время как «Единая Россия» практически ничего не может добавить. Хотя на примере одного региона сложно делать глобальные выводы, но Иркутская область показывает, что население способно к неожиданной мобилизации в случае, если чувствует реальную зависимость власти от электорального процесса.

В. Путин в сентябре принял участие в заседании Генеральной ассамблеи ООН, на которой произнес речь о борьбе с терроризмом, анонсирующую начало военной операции России в Сирии. Целью операции обозначена борьба с террористической группировкой «Исламское государство», действующей в Сирии и Ираке, а методами – нанесение воздушных ударов по террористам и поставка вооружений официальным властям Сирии во главе с Б. Асадом. В. Путин раскритиковал позицию стран Запада, которые, по его мнению, необоснованно критикуют сирийское руководство и действия которых привели к дестабилизации региона. Отдельно он обозначил, что, по его мнению, от так называемой «умеренной оппозиции» оружие попадает к «Исламскому государству», фактически обозначив отсутствие принципиальной разницы между ними (за исключением курдов, упомянутых в позитивном ключе). Позиция стран Запада, подтвержденная на Генеральной ассамблее, а также таких важных региональных игроков, как Саудовская Аравия, Турция и Катар, состоит в требовании отставки представляющего религиозное меньшинство алавитов Б. Асада (как максимум – не немедленной, а по истечении некоего переходного периода), и формировании правительства суннитского большинства.

Признавая террористами контролирующими Восток Сирии «Исламское государство» и «Джабхат-ан-Нусра» (подразделение конкурирующей международной террористической сети «Аль-Каида»), они морально поддерживают объединенных в рыхлое образование «Сирийской свободной армии» повстанцев, контролирующих северо-запад Сирии с крупным городом Алеппо и юго-запад. О поставках вооружения им официально речи не идет, однако по мнению многих наблюдателей, поставки легкого стрелкового оружия осуществляются им неофициально, по линии спецслужб. Первые же дни начала авиаударов российской авиации вызвали эскалацию противоречий – страны Запада, Турция и Саудовская Аравия обвинили Россию в нанесении ударов не по «Исламскому государству», а по «Сирийской свободной армии». Военное вмешательство в сирийский конфликт выглядит двояко. С одной стороны, ситуация, при которой головорезы «Исламского государства» контролируют территорию с населением в миллионы человек, делая их своими ресурсами, мало терпима. Но, с другой стороны, очевидно, что только авиационными ударами войну против «Исламского государства» не выиграть. Для его ликвидации нужен немалый военный контингент, который было бы правильно создать на коалиционной основе, деля издержки. Пока что, несмотря на многообещающие переговоры предыдущих месяцев, Россия так и не добилась договоренности ни со странами Запада, ни с суннитскими правительствами региона. Ключевой проблемой остается судьба правительства Башара Асада и его самого. В настоящее время, фактически, представляющий этноконфессиональное меньшинство Асад находится в состоянии военного поражения в гражданской войне, утратив контроль за большей частью территории страны. Было бы неплохо, все же, постараться выйти на создание переходного правительства национального единства Сирии – сил Асада явно недостаточно. Весьма негативным в том числе по экономическим соображениям сценарием было бы усугубление российского присутствия в Сирии по «афганскому» сценарию, хотя сейчас российские власти и отрицают наличие подобных планов. Стоит помнить, к тому же, что Россия не имеет прямой границы с Сирией и задача логистического снабжения вероятного развертывания там сухопутных сил выглядит нерешаемой как минимум без нейтралитета Турции.

В сфере экономических дискуссий в России вновь встал вопрос о поиске дополнительных источников доходов бюджета. Резкий конфликт вызвало предложение Министерства финансов РФ повысить НДС для нефтяных компаний. Моти-

вацией прозвучала избыточная выгода отрасли от девальвации рубля при рублевой структуре расходов. Однако все руководители крупных нефтяных компаний выступили категорически против, ссылаясь на тяжелое положение отрасли (рост добычи по итогам 2014 г. составил всего 0,7%), необходимость выплаты кредитов и так далее. В итоге, правительство пока отказалось от подобного решения, вопрос с обеспечением доходов бюджета по-прежнему требует своего решения.

В сентябре был арестован по обвинению в коррупции глава республики Коми В. Гайзер, букваль-

но за неделю до ареста возглавлявший список «Единой России» в республике Коми, а также ряд региональных чиновников. Новым главой региона назначен С. Гапликов, ранее работавший в аппарате Правительства России. Об обоснованности обвинений судить сложно, Гайзер не был каким-то особенно скандальным губернатором. Видимо, главной его проблемой, как и попавшего в аналогичную ситуацию годом ранее сахалинского губернатора А. Хорошавина, стала внутриэлитная конкуренция. С точки зрения управляемости ситуации, случай Коми выглядит откровенностораживающе. ●